

ВСЁ ВЕРТИТСЯ

ОЛЬГА ЛИШИНА

Родилась в 1985 году в Москве. Поэт, прозаик, литературный обозреватель. Соавтор текстов группы «Мельница», автор и ведущая программ по литературе для детей.

– Как сказал Джордано Бруно, все-таки она вертится! – прокричал радостно Димка, финальным ударом ноги запуская сероватый мешок через всю раздевалку в дальний угол.

Артур и Сава захлопали и заржали восхищенно, Димка раскланялся, напоследок пихнул Антона в живот кулаком и побежал прочь, увлекая за собой мальчишек. Удар был не сильным – и оттого еще более обидным, Антон молча застыл, провожая одноклассников взглядом. Отмер, вздохнул, пошел доставать свою сменку из пыльного угла.

Они же его не бьют. И даже не то чтобы обижают. Просто игры у них такие. Ему уже и Наталья Ивановна говорила, и мама объясняла, когда он пробовал жаловаться. «Ну а что жаловаться, мальчишки – всегда мальчишки, – не отрывая взгляда от телефона, скороговоркой твердила мама. – Ты бы не ныл, а играл с ними. Ну что ты такой унылый. Тоша, меньше ныть, больше действий. Обижают – дай сдачи! Не обижают? А что тогда? Тоша, а зубы ты сегодня чистил? Смотри у меня, я в твои брекеты полжизни вложила».

Антон прожил на свете не самые плохие девять лет, и ему нравилось в жизни очень многое. Хотя бы вот – его комната с книгами, опытами и аквариумом с тритонами. Или ролики про космос и химию, как хорошо, что их так много, когда

мама была маленькая – не было интернета, и детям приходилось много бегать по улицам. Бегать Антон не любил, может, потому у них сразу и не заладилось с Димкой и остальными. А может, еще против Антона сыграло то, что у них в классе целых семнадцать девочек – и только восемь мальчиков. Двое – близнецы Шепкины, у них своя жизнь в телефонах, они с первого класса сами по себе. Еще двое – отличник и сын завуча Миша и его лучший друг еще с садика Паша. Их Димка не трогает, понятно почему. Три да два, да еще два – вот и семь. А восьмой – Антон.

Мама плечами пожимала – мало мальчиков? Ну, дружи с девочками. А как с ними дружить? И с кем? И о чем говорить?

Как вообще получается, что люди берут – и вдруг начинают дружить? Не малыши в садике, а взрослые, такие как Антон, или еще старше?

Антон не очень любил книги про людей, больше про физику и животных, но кино-то он смотрел! И ни в каком фильме про это не было. Конечно, после сражения с троллем Гермiona сразу на всю жизнь стала другом Гарри и Рону, но что делать, если рядом нет никакого тролля?

Как вообще получается, что в книгах и фильмах часто есть ситуации, после которых станешь героем или друзей найдешь, а в жизни, оказывается, надо просто делать что-то скучное без

всякой награды – есть полезную гречку, чистить ершиками зубы под брекетами, бегать по кругу на физкультуре, петь на музыке...

Антон продолжал размышлять (он вообще любил подумать спокойно), переобуваясь и убирая кроссовки в мешок. С улицы под неодобрительный оклик охранника влетела стрелой старшеклассница, приземлилась на лавочку рядом с Антоном и выдохнула, стягивая бирюзовую шапку с головы:

– Ты из третьего «Г»? Уже отпустили вас? Давно?

У девочки были смешные цветные пряди в спутанных волосах и сережки-звездочки. Антон кивнул.

– Блин, опять мелкая скажет, что ее из-за меня на продленку погнала. А ты чо такой кислый?

– Я не кислый, я просто думаю, – пожал плечами Антон, – а ты чья сестра?

– Алины. – Девочка улыбнулась. – А еще Семы и Темы, но они, на мое счастье, не ходят еще в школу.

– Ого. – Антон удивленно вытаращил глаза. – Я не знал, что у Алины такая большая семья.

Девочка лукаво посмотрела на Антона.

– А мы немного Уизли, да.

Не успел Антон отреагировать, как новая знакомая вскочила, скинула куртку на лавочку и, обернувшись и увидев, что охранник не смотрит, поскакала без сменки по лестнице.

Антон вернулся ко второму ботинку и своим мыслям. Мама всегда ругала его за медлительность – как будто было куда спешить. Как это, интересно, когда у тебя есть сестры и братья? У Антона вот есть тритоны, но это же совсем не то. Он никогда не хотел младших братьев, не думал, как это – жить в большой семье.

Антон оделся и вышел из школы. Ему идти было близко – через школьный двор, и не было нужды в продленке. Зимние сумерки сгущались – как будто уже ночь, кажется, даже звезды на небе видны.

А что земля вертится – это же не Бруно сказал, а Галилей. И то, по слухам. Ученым было непросто в прошлые века, про это Антон много смотрел и читал. А сейчас, интересно, ученым полегче? Все говорят – учитесь хорошо, и не ради оценок, а ради знаний. Были у Галилея знания, а теперь никто и не вспомнит, что он изучал, так, выходит?.. Хотя вот Антон же – помнит.

Из школы вышли Алина со старшей сестрой. Сестра махнула Антону:

– Что застыл, смотришь, какая у нас вселенная бесконечная?

– Бесконечны две вещи: вселенная и человеческая глупость! – живо отозвалась Алина.

Антон рассмеялся.

– Пойдем, мыслитель, а то примерзнешь! Тебе в какой дом?

– Да мне тут. – Антон махнул рукой. – Ближко. Я сам. – И зачем-то добавил: – А у меня дома тритоны.

– Ого! А у нас только младенцы! – восхитилась Алина.

Ее сестра засмеялась, закивала, поправляя шапку.

– А ты приходи ко мне в гости, – неожиданно для себя вдруг сказал Антон, – если тебе интересно, конечно.

– Конечно, всем интересно! – перебила их сестра. – Но не сегодня! Быстро, у меня дела еще сегодня, пошли, мелочь. Пока, мыслитель!

И они, подпрыгивая, зашагали к дальней калитке, а Антон пошел к ближней, думая о звездах, тритонах, младенцах и жизни вообще, в которой не всегда происходит что-то героическое, но что-то хорошее – иногда происходит. И всё как-то вертится, кто бы чего ни говорил.

